

«Голубые глазки, розовые щёчки...»

псевдолитература и дети

107

Продолжая разговор, начатый в предыдущем номере «Казанского альманаха» материалом Васи Татарского, хочу сказать (даже будучи не согласен с автором «Охоты на графоманов» по некоторым позициям), что тема затронута очень нужная – особенно в условиях почти полного отсутствия на нашем литературном поле какой бы то ни было критики.

Что касается суррогатной литературы, то она существовала везде и всегда. Однако сегодня, когда большинство произведений при доведении их до общего сведения не проходит, по существу, никаких фильтров, никакой «премодерации», – средний уровень общедоступного литературного текста, по закону сообщающихся сосудов, резко упал. Вы скажете: бог с ним, со средним уровнем, со «средней температурой по больнице», всё равно таланты выжили, и меньше их не стало. Но их не стало и больше – и все они, увы, лишь гребцы в маленькой лодке, плывущей в океане графомании. На сайте Стихи.ру полмиллиона поэтов – и ко сколько из них можно относиться серьёзно?

Как человек, много лет занимающийся детской темой, я неоднократно сталкивался с «детскими» графоманами. Эти неофиты жанра охотно публи-

куют свои стихи – в том числе и потому, что искренне не понимают, что, собственно, такого сложного в профессии детского писателя. Как в известном разговоре Фёдора Шаляпина с извозчиком – «А ты чего, барин, работаешь?» – «Я пою». – «Дык и я пою, когда выпью. Ты мне скажи, работаешь-то ты чего?» А если чужое дело нам кажется легче лёгкого, мы всегда рады продемонстрировать, что тоже так можем. И далее: если писать для взрослых так просто, то уж для детей...

**Вот грохочут пушки,
Вот несутся танки,
И бегут по полю
Злых врагов останки.**

Сейчас почти любой детский поэт может привести эту цитату как пример нового текста на серьёзную тему. Правда, автора сих бессмертных строк за малостью лет прощают – говорят, это написал третьеклассник. А вот взрослым подобные, хоть и не такие забавные, глупости прощать вряд ли стоит. (Приводимые далее примеры взяты с литературных сайтов Стихи.ру и «Избачитальня». Замечу, что подобных ресурсов в Рунете сейчас десятки, если не сотни, и почти на всех из них пред-

варительный отбор по литературному уровню, да и просто по грамотности, отсутствует. Эти авторы, помимо Инета, публикуются в коллективных сборниках – разумеется, того же качества – и издают множество собственных книг, благо сейчас для этого не требуется ничего кроме денег.)

**Ёжик наострил колючки –
Вид недобрый, как у злючки,
Нос не виден и глаза,
Но зато не съест Лиса.**

108

Сбой ритма в первой – то есть задающий размер всему стихотворению – строке уже подозрителен. Какой именно вид бывает у злючки? Поскольку это качество характера, а не внешний облик, «как» здесь неуместно. Крайне неуклюж синтаксис в третьей строке – получается, что нос важнее глаз: его автор снабдил персональным глаголом, обделив прочие детали.

**Спят собаки, спят и кошки,
Спят и малые слоны.
Кто на сене, кто в лукошке, –
Все зверюшки спать должны.**

**Снится зайке лист капусты.
Львёнок – с гривой золотой.
Волку снится зайчик вкусный.
Мишке улей заказной.**

**Жеребёнок резвый скачет
Подстать взрослому коню.
Крокодилчик горько плачет,
Видя в сне, как ловит гну.**

**Снег колючий землю косит.
Ветер бодрствует в ветвях.
Ночь свои поправки вносит
В разноцветных детских снах.**

Вопросы такими текстами порождаются бесконечные.

«Малые слоны», если поэт забыл, называются «слонята»... Что, Зайке снится не только лист капустный, но ещё и львёнок с золотой гривой? А на фига козе баян? То есть зачем зайцу львёнок?.. В третьей строчке поэт ведёт себя как самый подлый предатель:

«Волку снится зайчик вкусный». Ведь только что говорил о Зайчике с дружеской симпатией – а теперь расхваливает Волку его вкусовые качества!.. Крайне сомнителен перенос признака в четвёртой строке: «заказным», как известно, бывает главным образом столик в ресторане... Далее. Даже если к слову «подстать» долго применять пытки, оно не согласится с ударением на первый слог... Крокодилчик, который «видит в сне, как ловит гну» – это отдельная песня, достойная быть отлитой в бронзе. Во-первых, не «в сне», а «во сне», а во-вторых, без предшествующего определения «антилопа» не вполне ясно, кто такая эта «гна»... Каким образом снег может «косить» землю?.. «Вносит поправки» – канцелярит, пришедший в детские стихи прямо из доклада. Кстати, эти самые поправки вносят во что-то, а не в чём-то.

А вот вам во всём блеске патриотическое воспитание посредством рифмы:

**Думал я почти всю ночь
Об одной идее:
– Как бы армии помочь
Мне своей на деле?**

**...Чтоб войны не допустить,
План придуман, вроде:
Буду гусениц растить
Я на огороде.**

**Посажу капусту в ряд,
Даже в два, без лени...
Чтоб её весь день подряд
Гусеницы ели.**

**Их танкистам я отдам –
Сразу всё наладится.
Ведь без гусениц танк сам
Даже вниз не катится.**

Даже не стоит углубляться в строчки: сама мысль о том, что нормальный ребёнок может спутать гусеницы танка или трактора с живыми гусеницами, откровенно нелепа, отчего весь текст становится искусственной, мёртвой придумкой.

*«Для детей надо писать,
как для взрослых, только лучше!»*

Фото Лауры Лининой

Вот стихи о детях:

**Голубые глазки, розовые щёчки,
шевелюра сверху у малютки дочки.
Маленькие губки, маленькие ушки,
слямзила у папы милая девчушка!..**

Два особо трогательных момента:
«шевелюра сверху» (а мы-то думали...).
И, конечно, «слямзила». Тут вполне воз-
можны и другие, по-своему выразитель-
ные, варианты: «сцапала», «стибрила»,
«свистнула», «спёрла»... – тоже с при-
менением истинно детской лексики.

Вот родная природа:

**На поляне росы
искрами горят.
Белые берёзы
в сладкой неге спят.**

**Рядом под осинкой
боровик стоит,
шевеля травинкой,
на меня глядит.**

**Вылез на полянку
встретить новый день.
И свою ушанку –
сдвинул набекрень.**

Росы-берёзы, сладкая нега – девятнадцатый век. Хотелось бы уточнить, каким именно образом боровик шевелит травинкой. И почему в первой строфе «поляна», а в третьей – «полянка»? Чем объяснить внезапный прилив нежности, зафиксированный уменьшительным суффиксом?

А теперь, не вникая в ошибки стихотворца, попробуйте отгадать загадку.

**Этот маленький зверёк –
топает... Ну как конёк!
прикоснёшься к нему ты –
выставит свои шипы!
и свернётся он в клубочек –
ну конечно это?! – (...)!**

Боже мой, кто это?! Кого имеет в виду наш поэт?! Неужели это «кочет» (в рифму, кажется, больше ничего и нет)?! «Котик»? Или всё-таки плохо зарифмованный «ёжик»?.. В простенькой загадке столько тумана, сколько герою популярного мультфильма и не снилось.

Отсутствие поэтической индивидуальности (все пишут одинаково, у таких стихов, по существу, нет авторов), нарушения логики, стилиевой разницей, как попало расставленные знаки препинания, плохой синтаксис, скучные, скверные или напрочь отсутствующие рифмы даже в опорных строчках и, наконец, бесконечное сюсюканье (позволившее пародисту Иванову в своё время изобрести термин «сюсюреализм») – очевидные признаки графоманского письма. Но дело в конце концов в другом: если исправить, «причесать» до полной гладкописи все эти стихи, то в них по-прежнему не будет ни капли новизны – ни малейшего открытия, ни самого крохотного свежего поворота темы. А нет открытия – нет поэзии. Всё это всё равно пройдёт мимо детей, как пройдут мимо сознания пассажира троллейбуса ненужные ему остановки.

Больше ста лет назад Саша Чёрный (сам немало написавший для юных читателей) посвятил детской поэзии и поэтам ехидное стихотворение. Это что-то вроде портрета – таким типичный представитель жанра виделся поэту на основе его собственного опыта чтения тогдашних детских стихов.

Сиропчик

*Посвящается
«детским» поэтам*

**Дама, качаясь на ветке,
Пикала: «Милые детки!
Солнышко чмокнуло кустик,
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...»**

Нельзя сказать, что в России с тех пор ничего не изменилось. У нас сегодня отличная детская поэзия, одна из лучших в мире. Однако типаж, описанный век назад, и направление, этим типажом представляемое (оговорюсь, что речь не про обучающие тексты в рифму вроде стихотворных азбук, а именно о поэзии), процветают и сейчас. Причём подходы суррогатной литературы имеют влияние и на литературу подлинную – не случайно даже в настоящей, высокой детской поэзии у нас доминирует пришедшая именно из «сюсюреализма» избыточно сентиментальная, «сторожевая», как бы обносящая детей крепостной стеной с редкими бойницами, интонация. Что ещё уместно, если речь идёт о трёх-пятiletних малышах, – но попросту вредно в поэзии и прозе, например, для младших школьников. Где разговор с детьми должен быть уже иным. Если вы, конечно, хотите, чтоб ваш ребёнок рос не в консервной банке и был готов к жизни – не только понятной, доброй, улыбающейся и глядящей дитя по головке, но и сложной, и трудной, и не всегда предсказуемой, а порой и опасной.